
Элина Градова
Раб II
Постельный
18+

Элина Градова

Постельный раб. Книга 2. Хасэль

«Автор»
2026

Градова Э.

Постельный раб. Книга 2. Хасэль / Э. Градова — «Автор», 2026

- Глаза, Исмаэль! – уж я-то знаю, какие тайны могут в них скрываться.Медленно, будто с усилием, мой раб поднимает взгляд. А там!- Да ты радуешься, стервец! – такие фейерверки искрят! И он, уже не сдерживаясь, расцветает не только глазами, но и широченной, абсолютно довольной улыбкой. Подхватывает меня, как пушинку, на руки и начинает весело кружить,- Да, моя госпожа! – ответ поражает бесхитростной наглостью, чёрные омуты глаз сияют лукавством, в улыбке светится победа!- Нет худа, без добра! Теперь ты мой по доброй воле. Сам захотел! А посему, непослушного раба ждёт суровое наказание.- Я готов, моя госпожа! – в глубоком энтузиазме оседает подобострастно на колени, обхватывает мои ноги так, что не шагнуть, глядит снизу-вверх, - весь Ваш, делайте, что хотите! – и в глазах обожание.Вторая книга цикла «Постельный раб». Продолжение горячей истории графини Северины и её раба Исмаэля.

© Градова Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 8
Глава 3. 11
Глава 4. 13
Глава 5. 15
Глава 6. 17
Глава 7. 20
Глава 8. 23
Глава 9. 25
Глава 10. 27
Глава 11. 29
Глава 12. 31
Г 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Элина Градова
Постельный раб. Книга 2. Хасэль

Глава 1.

- Исмаэль, ты меня очень расстроил! – выговариваю недовольно.

- Простите, моя госпожа, - понурившись, - я страшно виноват! – в голосе глубокое сожаление.

Или… Или мне только кажется?

- Посмотри в глаза! – приказываю строго.

Со вздохом поднимает голову, тёмные волнистые пряди опадают назад, открывая красивое лицо, но правда прячется под чёрными, словно плотные крылья, ресницами.

- Глаза, Исмаэль! – уж я-то знаю, какие тайны могут скрываться за этими опахалами.

Медленно, будто с усилием, мой раб поднимает взгляд. А там!

- Да ты радуешься, стервец?! – такие фейерверки искрят!

И он, уже не сдерживаясь, расцветает не только глазами, но и широченной, абсолютно довольной улыбкой. Подхватывает меня, как пушинку, на руки и начинает весело кружить,

- Да, моя госпожа!

Ответ поражает бесхитростной наглостью, чёрные омуты глаз сияют лукавством, и даже в улыбке светится победа!

- Ну, что ж, надо отдать должное, ты намного сильнее и решительней меня, милый, - пытаюсь унять головокружение, почувствовав твердь под ногами, когда опускает на пол.

Признаю, что сдалась по всем фронтам. Двое суток бойкота, когда он спал, согнувшись в три погибели на узкой короткой кушетке, утомили даже меня, ширящуюся на квадратном, по корабельным меркам, вообще гигантском, ложе.

Да, я была очень зла на Исмаэля, но проснувшись сегодня и не увидев пустой треклятую кушетку, подскочила, как ошпаренная! И выдохнула лишь тогда, когда чуть не наступила на него, вставая с постели.

Бедолага, свернувшись калачиком, устроился на коврике возле моих ног. Сразу вспомнилось, как везла его в карете из острога, а он спал, положив голову на мои туфли. Обида прошла сама собой, вместо неё сердце снова затопило невероятной нежностью и любовью.

И всё же, «награду» хитрец заслужил,

- Нет худа, без добра, Исмаэль! Теперь ты мой по доброй воле. Сам захотел! А посему, непослушного раба ждёт суровое наказание.

- Я готов, моя госпожа! – в глубоком энтузиазме оседает подобострастно на колени, обхватывает мои ноги так, что не шагнуть. Глядит снизу-вверх, - весь Ваш, делайте, что хотите! – и в глазах обожание.

- Раздевайся, негодник! Будет тебе кара, какой врагу не пожелаешь! – пугаю, грожу, лихорадочно придумывая что бы такого сотворить с этим бесом в ограниченном пространстве корабельной каюты, а руки сами лезут погладить, разлохматить его шёлковые волосы.

Второго приглашения не требуется. Звонко поцеловав меня в коленку, прямо тут же Исмаэль чисто по-мужски захватом сзади, стягивает рубаху, открывая взору идеальное тело. Поигрывает мышцами на груди и животе и переходит к брюкам.

Окончательно обнажившись, вновь опускается на колени, виртуозно принимая покорную позу, но я прекрасно знаю, чего стоит эта мнимая покорность.

Тем не менее,

- Я готов, моя госпожа! – со всем трепетом, какой смог изобразить.

- Получишь двадцать ударов плетью! И щадить не буду! – грожусь, а сама думаю, никакой плети нет и в помине. Но попугать-то можно?

- Спасибо, моя госпожа! – чуть ли не с восторгом. А потом ещё и добавляет, - плеть подать?

- Откуда она здесь возьмётся? – сдаю себя с потрохами. Тоже мне, суровая хозяйка! Хотела попугать, а он не испугался!

Исмаэль, плюнув на все правила, отправляется к сундуку с моими вещами и, порывшись изрядно, наведя там полный бедлам, откуда-то со дна вынимает ту самую плётку, что оставил у нас герцог Ругонский, улепётывая по холодку от грозящей порки.

- Вот! – подаёт на вытянутых руках коленопреклонённо.

- Как она оказалась среди моих платьев? – не Марица же мне туда её положила?

- Я спрятал, - опускает стыдливый взгляд, а у самого уши красные торчат из-под сдвинутых назад волос. И я припоминаю, что эта штука в сочетании со мной когда-то произвела сильное впечатление на моего своевольника.

- Кто позволил копаться в вещах? – голос мой суров, как никогда, вхожу в роль.

- Никто, - отвечает с волнением. - Я не копался, просто решил, что в дальней дороге хорошая плеть вполне может пригодиться. Ну, вот пригодилась же?!

И не поспоришь!

- За это ещё накажу! – ворчу на негодника, оглядываю каюту. Места свободного нет,. - Сдвинь всё от центра, чтобы размаху ничто не помешало!

Только от этой фразы по телу Исмаэля пробегает дрожь возбуждения, чресла наливаются желанием прямо на глазах. Он в суетливой спешке, круша всё на своём пути, перетаскивает тяжёлую мебель.

- Выполнено, моя госпожа! – спустя минут пять. Вспотел даже, а глаза горят азартным предчувствием интересной игры. Ведь, несмотря ни на что, мы оба прекрасно знаем, что это игра и не более.

- Кресло в центр!

Пока переносит, обрубаю ножом тяжёлый наконечник и продолжаю,

- Обойди его сзади и обопрись на спинку грудью. Перегнись, руки упри в подлокотники. Поза должна быть устойчиво зафиксирована, Исмаэль! Я не хочу, чтобы ты, как уж на сковородке, уворачивался от ударов.

- Что Вы, госпожа! – карие оливы сияют честностью и подобострастием. - И не думал! Впрочем, Вы могли бы меня привязать!

- Не стоит, - я сурова, но справедлива, - этого достаточно. К тому же, несмотря ни на что, я тебе верю.

Скульптура «Раб, обнимающий кресло», вышла на редкость удачной. Чтобы настроиться на нужный лад и ещё немного поиграть с любимым, обхожу вокруг, помахивая плетью. Провожу ласково ладонью вдоль позвоночника сверху вниз до самого крестца, и купаюсь в восторженном вздохе. Потом тоже самое делаю рукоятью плети, продляя путь почти до развилки ягодиц. Исмаэль напрягается. А когда вдоль позвонков скользит упругий кожаный хвост, проскакивая ещё ниже, его тело вздрагивает от предвкушения.

Но спешить нам некуда, а игра должна быть увлекательной для обоих, поэтому для начала нежно оглаживаю его загорелые ягодицы, обещая,

- Скоро эти половинки будет не узнать, так они расцветут алыми розами, станут горячими и безумно чувствительными.

В ответ томительный стон, и напряжение под моими руками.

- Так дело не пойдёт! Расслабься! Тебя ещё никто не тронул!

Постепенно половинки мягчеют, но то, что скрыто от моих глаз, вряд ли.

Проверим.

- Ноги шире! – приказ, сопровождающийся хлёсткой, я бы сказала, пощёчиной, но это же зад.

Шипнув сквозь зубы, Исмаэль расставляет ноги на ширину плеч. То, что надо. Нарочито проскользнув по бедру, завожу руку сзади и одним захватом забираю в ладонь, не совсем умещающееся богатство, констатируя, что мужское естество напряжено. Я лишь вскользь коснулась, вырвав из груди Исмаэля ещё один томительный стон, но сознательно не забрала его в руку, иначе, долго нам не продержаться.

То слегка сжимая, то отпуская, то поглаживая, велю,

- Перечисли, мой милый, всё, за что я тебя наказываю.

- Д-да, моя госпожа, - отвечает сбивчиво, - я, я пп-поп-робую! – во концовке немного даёт петуха потому, что сжала содержимое ладони чуть сильней.

- Тебе больно, милый? – приотпускаю, вдруг, действительно, перестаралась? Хотя мой настольный учебник «Магия женских чар» гласит, что это им нравится. - Будь честным, Исмаэль!

Глава 2.

- Н-нет! Не больно, просто неожиданно. И терпеть всё труднее, - признаётся.

- А придётся, - огорчаю. - Освободишься от семени только с моего позволения! Я жду!

Моя правая рука ласкает и немного мучает чресла Исмаэля, левая оглаживает соблазнительные полушария, периодически отвешивая неожиданные шлепки. С трудом синхронизирую эти два дела, походя сбиваясь потому, что мой организм отказывается быть бесстрастным и предательски вопиёт о голоде по любимому мужчине.

Грудь по обычаю, будто налили чугуном, да ещё и кожу снять не забыли, так обострилась чувствительность, что мягкая подкладка корсета кажется наждаком. Сердце набирает обороты, под солнечным сплетением смерч под названием «Страсть по Исмаэлю» крутит, завивает свою воронку, вовлекая все части тела, устремляясь вниз! Там, где женское начало уже напряглось и подтверждает слова любимого: терпеть всё труднее!

- Я у-уничто-жил воль-ную грамоту! – стонет раб.

- Что? – что-то я потерялась.

- Самое главное п-преступле-ние: я грамоту пор-ва-аал!

Звонкий шлепок по попе приходится, как нельзя кстати.

- Верно! Что ещё?

- По-по-попытался утопиться! – перечисляет второпях, пока я ослабила хватку.

- Это был мелкий, бессовестный шантаж!

- Это была правда! – взвивается со своего места, так что едва успеваю отскочить. - Я чуть с ума не сошёл! Ты меня бросила, – наступает словно скала, - как надоевшую игрушку!

Пячусь задом и, когда отступать уже некуда, выставляю вперёд ладони, на которые наталкивается могучая грудь, а сильные руки берут в окружение, упершись по обе стороны от меня в стену.

- Стоп! Стоп! И где твоя хвалёная покорность, невольник? – я, как мышонок в плену у здорового кота. Остаётся только пищать, но я же госпожа, – забыл? Запамятовал, куда сгинула твоя вольная грамота?

- На морское дно, - нехотя отвечает и добавляет в обиде. - Но это несправедливо, Северина! Ты же мне не оставила выбора!

Называется, поиграли…

- Ну и ты мне не оставил! Теперь вот плыву в неизвестность. Батюшка там, наверное, на ушах стоит. Ещё Его Величество со своей заботой навязался! – хорошо хоть стены на корабле толстые. Никто не слышит моей крамолы, кроме Исмаэля, сопящего в обиде.

- Та-ак! Раб ещё и покинул место наказания без спроса! – добавляю новое в копилку его ослушаний.

- Угу! И плётку в сундук тоже без спроса запрятал, - отпускает на свободу, возвращается на своё место, принимая нужную позу.

- Готов? – спрашиваю.

- Готов, - пытается вернуться в игру. Но получается не очень, должный настрой пропал.

Значит, надо настроить.

- Я зато не готова! Платье узковато, рукава тесны в плечах, должного замаха не дадут сделать. Пожалуй, сниму.

- Позвольте помочь, моя госпожа! – тут же подскакивает. На приличного покорного раба Исмаэль явно не тянет. Зато на офигенного соблазнительного любовника, жаждущего разогреть кровь новой игрой, ещё как. Но разве же мне нужен приличный раб? Не-ет! Мне нужен страстный мужчина, так почему бы и нет?

- Позволяю, - бросаю пренебрежительно, будто озолотить решила. - Раздень меня, Исмаэль! Да не забывай, что за госпожой ухаживаешь!

- Как можно! – уже ручки шаловливые потянулись к застёжкам, и внизу кое-что качнулось в нетерпеливом напряжении.

Обойдя сзади, начинает аккуратно расстёгивать крючки на платье, пеняя однако, что я - коварная женщина, чуть не бросила своего хасэля на произвол судьбы, и даже сердце не дрогнуло!

- Вот, какая у меня бессердечная госпожа! – по мере каждого расставания петельки с крючочком, целует открывшуюся кожу, заставляя исходить сладкими мурашками. - Любимая госпожа, - ещё крючочек. - Самая прекрасная вредная госпожа, - ещё один поцелуй. - Самая желанная злюка, - ещё, - самая-самая!

Когда все крючочки и петельки расстались друг с другом, помогает спустить платье на бёдра, выпростав руки и зацеловав каждую от плеч до кончиков пальцев.

- Чуть сдержаннее, мой милый, а то до наказания не доберёмся, - с таким раздевальщиком затевать игру, как с огнём.

- Я постараюсь, госпожа! – целует между лопаток, так что хочется самой рухнуть в злосчастное кресло и позволить ему всё, что угодно.

Собрав последние силы, перешагиваю упавший подол, и остаюсь в пикантном кружевном розовом корсете, таких же коротеньких панталончиках и тоненьких чулочках с лиловыми бантами на подвязках. Завершают искусительный образ атласные туфельки золотого оттенка.

Исмаэль по традиции обмирает, будто впервые видит такую красоту,

- Я не смогу, госпожа! – глаза искрят неподдельным восторгом, а ещё тем самым неутолённым голодом, который я читаю всякий раз, как только проскальзывает хотя бы намёк на близость.

- Всё! Я готова! – возвращаю зачарованного любовника с небес на землю. - Становись в нужную позу, раб! Пришло время хорошенько надрать тебе задницу за самоуправство!

С тяжёлым, сокрушённым вздохом Исмаэль снова перегибается на спинке кресла, подставляя, как бы нехотя свой идеальный гладкий зад, но меня не обманешь: в предвкушении.

- Ноги шире! Считай сам!

- Да, моя госпожа!

Да только нет у меня желания причинять боль любимому мужчине. Фетиш: «Северина с плетью в руках» вполне достаточен, чтобы Исмаэль воспламенился, как спичка. Но, как же похулиганить?

Облегчённый хвост летает и поёт, радостно встречаясь с натренированным телом. Любимый не прячет сладкие стоны, путается в подсчётах так, что приходится поправлять. Но я-то знаю, что это не та боль, от которой ему хотелось бы скрыться, так, щекотка. Ещё и сам подставляется, тем более, щажу в четверть силы.

- Пять, моя любимая, госпожа! – лепечет невпопад.

Хотя уже давно,

- Семь! Ты опять сбился со счёта, негодник!

- Семь, любовь моя! – вторит, как попугай.

- Теперь уже восемь!..

- Восемнадцать… - перепутав всё на свете, и уже без признаний.

Значит,

- Довольно! Наказание исполнено! Можешь подняться.

Зад приятно розовеет, не так, будто Исмаэль только что слез с раскалённой сковороды, а очень даже миленько, вызывая невероятное желание зацеловать его тут же! Наказанный разгибаться не собирается, застыл в той же позе. Отбрасываю орудие любви и иду к кувшину с

водой, наливаю в пригоршню, остужая ладонь, а потом обмыв обе, кладу любимому на нежные половинки.

- Ай! - охает мой невольник от неожиданности.

- Ты, так и будешь стоять, Исмаэль? – оглаживаю поясницу, спину, жду.

- Я-а? – словно пьяный. Поднимается, а в глазах туман, и ведёт его, как-то в сторону.

- Что? Неужели так больно?! – схожу с ума от испуга! - Пойдём-ка на ложе, мой милый!

Помогаю добраться до кровати и рухнуть, но он тут же утягивает меня за собой.

Глава 3.

- Позво-лит ли добр-рейшая госпожа от-отблагодарить за заботу? – заплетающимся языком. Вот хитрец!

- Ты прикидываешься?

- О не-ет! У Вас такая тяжёлая ручка, госпожа! – подхватывает, подносит к губам, забирая пальчик за пальчиком в горячий рот, а в глазах море обожания.

- Я жестокая? – кокетничаю, конечно.

- Угу, - кивает, а мои пальцы по-прежнему в плену его рта.

- Злая?

- Угу!

- Ты меня больше не любишь? – провокационный вопрос.

- Хитрюга! – пальцы на свободе. - Обожаю! – зажимает уже целиком.

- И всё-таки, покажи, что я там с тобой сотворила?

- Погладила. А меня унесло куда-то, - отпускает нехотя, растягивается на животе, словно выхоленный избалованный кот. - Как заново рождённый!

- Ну, собственно, ты теперь и есть заново рождённый. Раб по собственному желанию, - чмокаю его прямо в порозовевший зад.

Он балдеет, и я больше не хочу его ругать. Не за что. Исмаэль принял мужское решение за нас двоих. Был ли иной способ остановить меня? Вряд ли. В заданных условиях он выбрал тот, который показался самым эффективным. И это сработало.

Поэтому,

- Вот тебе мой подарок на день Рождения, - встаю коленями на край кровати и начинаю медленно развязывать шнуровку на корсете.

- Значит, прощён?! – усаживается, тут же с тыла получает напоминание о недавней порке, и это подстёгивает желание почище любой плети!

- Да! – подтверждаю, глядя в упор на его восставший орган. Дольше откладывать некуда. - Разве яхоть когда-нибудь могла долго злится на своего хасэля?

- Тогда, остановись, - удивляет. Нежно, но настойчиво, отводит мои руки от шнуровки, - раз подарок, сам разберусь.

Повинуюсь приказу раба и предвкушаю, что этот предприимчивый парень сейчас оторвётся по полной. А я с ним.

Исмаэль начинает с поцелуя в губы, не забывая укладывать меня на середину ложа. Нависает сверху, укрывая длинными кудрявыми прядями лицо и шею. Играет с моим языком в нежные томительные игры, то щекоча, то отпуская его ненадолго, то снова втягивая в себя, прихватывает губами. Млею, хочу большего, но сейчас не я главная. Я – его подарок.

Оторвавшись от поцелуя, любимый делает шумный вдох. Открываю глаза, его ещё прикрыты веками, опять в тени длинных ресниц прячется тайна.

- Хасэль! – шепчу почти в губы.

Ресницы вздрагивают, и на меня изливается море любви, бурное, плещущееся через край, неумолимое, огромное, и всё это в невероятных глазах Исмаэля. Улыбка его таинственна и обещает рай на земле.

- Я хочу тебя, милый! – вырывается так смело, как никогда раньше.

- Да, любовь моя, я уже спешу к тебе!

Дорожка лёгких поцелуев от уголка рта через шею до впадинки между грудей заставляет затаить дыхание до тех пор, пока любимый, оторвавшись, не переключается внезапно на мой живот, миновав корсет.

Приподняв его нижний край, тёплая ладонь ложится на открывшееся нежное местечко, заставляя содрогнуться в предчувствии встречи там, ниже. Тело само выгибается навстречу, и Исмаэль аккуратно заводит пальцы под кружево панталон.

Стон вырывается внезапно, демонстрируя, насколько этот мужчина мне желанен. Лучшего подтверждения не требуется, чтобы уверенные руки стянули ажурную тряпочку вниз. Стыдная неловкость оттого, что кроме чулок и корсета на мне ничего нет, подстёгивает возбуждение со страшной силой, и всё-таки, хочется спросить,

- А, как же?.. – имея в виду остальное.

На что прилетает ласковый шёпот,

- Я хочу так! Сегодня здесь мой пир!

Уверенная ладонь накрывает лоно целиком, выбивая хриплый стон из моего горла. Немного надавливает, несильно сжимает, но и того достаточно, чтобы я уже молила,

- Ну же, Исмаэль, я хочу большего! Не томи!

- Всё будет, любимая! Потерпи.

Запредельное чувство пронизывающего ожидания, оплетающего незримыми нитями, прорастающего вовнутрь, заставляющего изнывать от сладкой неги, окутывает сознание, не оставляя мыслей, даря только ощущения. И они несравнимы ни с чем.

Исмаэль виртуозно владеет моим телом, как хороший скрипач смычком. Он давно понял: я не из тех женщин, что позволяют резкость или, того больше, грубость. Он берёт меня медленной, тягучей лаской, изводя нас обоих.

Аромат страсти витает по каюте почти осязаемым облаком, опьяняет, укачивает на качелях любви. Я уже не понимаю, что любимый творит со мной, не позволяя даже чуть-чуть ускользнуть от настойчивого языка, чутких пальцев, мягких губ. Груди тесно в корсете, соски упёрлись в плотную ткань, желание сбросить мешающий панцирь, выходит из-под контроля, и я тянусь к ленте, но Исмаэль накрывает мою ладонь своей,

- Ты станешь моей женой, Северина?

Я уже ничего не понимаю. Что он говорит? Кажется, надо ответить,

- Да-а!

- Я навсегда останусь единственным мужчиной, которого ты допустишь сюда?

Мягкое, но настойчивое надавливание на лоно вырывает новое согласие,

- Да, любимый!

- Ты будешь принадлежать только мне? – хрипит и сам вжимается закаменевшим естеством в моё бедро с болезненным отчаянным желанием.

- Да! Да! Да!

- Ты хочешь, чтобы я вошёл в тебя немедленно? – нагибается к лицу.

- Умру, если не сделаешь этого тотчас же! – впиваюсь зубами в его нижнюю губу потому, что, не успеваю договорить, как мой сладкий мучитель наконец-то вторгается в разгорячённые пределы, утоляя нестерпимый голод по нему!

В лихорадочной скачке до уха доносятся обрывки слов, которые Исмаэль глотает на вдохе,

- Моя!.. Никому!.. Госпожа!.. Жена!.. Убью… любого!..

Глава 4.

Размышлять о метаморфозе, произошедшей с Исмаэлем в процессе соития, абсолютно нечем! Страсть, замешанная на безумной чувственности, подстёгнутая играми с плетью, совершенно лишила меня рассудка, смыла память, обиды и угрызения совести. Я кинулась в безумную авантюру, доверившись постельному рабу, который владеет мной намного больше, чем я им…

Эти мысли тихой сапой вползают в голову после. Когда, отдышавшись, закрыв глаза, позволяю невероятному любовнику наконец-то распутать ленты корсета, заиграться моей чувствительной грудью, скатать ровными трубочками с ног чулки и зацеловать каждый пальчик на ногах.

Меня укачало страстью, затопило ею, но отрезвление неизбежно и, уперев ступню в горячую грудь, едва шевеля языком, всё же интересуюсь,

- Почему ты спросил, пойду ли я за тебя замуж, Исмаэль?.. Ты - раб, я – госпожа. Разве уместен этот вопрос в данной ситуации?

- Лишь бы ты этого захотела, любовь моя!

Большой палец ступни, оказавшись в горячем рту Исмаэля, безумно мешает удерживать мысль, но я очень стараюсь сосредоточиться.

- Как это теперь возможно? – я уж молчу, что он и так мне не ровня, но брак с рабом, вообще, вне закона.

- Азур - место, где этот вопрос не будет иметь значения, - смеётся и щекотно целует впадину стопы.

А мне не смешно.

Возможно, так и есть. На берегу и корабле все видели его широкий жест с вольной грамотой. Поддержали бурными восторгами и считают сущей формальностью восстановить документ.

Сам капитан Гуэррес посмеялся,

- Вот так, госпожа Северина! Откупиться от любви дорогой бумажкой хотели? Якорь мне в селезёнку! Не получилось. А я Вам говорил, на берегу выправите, куда спешить? Так и вышло, придётся в Азуре восстанавливать. Так и быть, наваяю Вам отписку, что документ утрачен на моих глазах. А Вы пишите запрос в «Комитет по невольничьим делам». Следующим рейсом привезу копию купчей, и заверите у любого стряпчего в Экмелее.

- Ага! Обязательно! – что ещё ответить?

- Только серебро я Вам не верну, извините уж! – скалит жёлтые зубы и подмигивает искорёженным веком. Эх, Армандо! Если бы дело было в серебре!..

***

Стою на палубе. Вышла подышать свежим воздухом, оставив Исмаэля досыпать после бурной страсти. Влажный бриз раздувает волосы то и дело забрасывая пряди на лицо. В предвечерний час здесь никого нет. Уже неделю, как Риголея скрылась за горизонтом, и примерно месяц пути до того, как покажется таинственный, пугающий Азур. Исмаэль ждёт, торопит время, я не спешу.

За эти дни передумано многое. Всё чаще задаюсь вопросом: как получилось, что я - серьёзная, здравомыслящая женщина умудрилась так сойти с ума, что села на корабль в чужую покорённую, враждебную по сути, страну, бросила устроенную жизнь, богатство, подвела отца, доверившись человеку, о котором, если честно, мало что знаю?

Когда Исмаэль уничтожал свою свободу на глазах у изумлённой публики, и главное, на моих, решимость остаться на берегу трепыхалось на тоненькой ниточке. В первый миг её под-

держивала обида, что он одним махом погубил все мои усилия, а ведь я сделала почти невозможное!

Пленника, обречённого на рабскую смерть где-нибудь в рудниках, вызволила и даровала свободу. Столько времени его скрывала, и вот добилась своего: посадила на корабль, следующий на родину, снабдила документом и деньгами! Да он руки мне лобызать должен, а этот гадёныш легко и непринуждённо разорвал на мелкие кусочки все мои подвиги!

- Госпожа, это может быть хитрая ловушка! – предостерегал Алексис, понимая на каких струнах моей души играет Исмаэль.

Я не успела принять решения и, пока сомневалась, матросы убрали трап, но в это время мой безумец, встав на перила верхней палубы, бросился вниз головой в воду!

- Там мелко, - констатировал Алексис, крепко удерживая за плечи.

Никто не разрешал ему трогать меня, тем более, держать силком, но тут уж не до церемоний. Я забыла дышать, как будто пошла на дно с любимым. Сколько он пробыл под водой, столько и я не позволила себе вдоха, просто, не смогла.

Видя, что творится с хозяйкой, второй охранник Колеус бросился с берега в воду. Он нырял, поднимался перевести дух и нырял снова. Всё бесполезно! Матрос с «Санта Сюзанны» присоединился к поискам, отплытие пришлось задержать. Но я уже ничего этого не видела, первый раз в жизни, свалившись в обморок от кислородного голодания и одномоментного ужаса утраты, случившегося на моих глазах.

Как Исмаэля вытащили, как приводили в себя, не знаю. Мы оба очнулись лёжа рядом прямо на причале, и поглядев ему в глаза, я поняла: расставаться нельзя. А оставаться в Риголее для Исмаэля смерти подобно. Тогда отдала приказ своим парням,

- Поднимайте вещи обратно на корабль! – на попытки Алексиса возражать, добавила, - возвращайтесь домой. Ты, как начальник охраны, остаёшься главным ответственным за порядок в имении в моё отсутствие. Отцу скажешь, что с хозяйкой всё в порядке, она по доброй воле отправилась в Азур, и обязательно вернётся…

И уже целую неделю не вылезаю из постели, предаваясь страсти с виновником торжества, не позволяя себе задуматься, что сотворила. Он не отходит от меня ни на шаг, проявляет заботу даже в мелочах.

- Северина, я принёс плед, ты можешь озябнуть и простудиться!

Вот, уже проснулся и снова обеспокоен, укутывает, обхватывает сильными руками, прижимая к широкой груди, так что тону в его тепле. Ну не может впереди быть ничего плохого! Просто не могу поверить!

Корабль входит в полосу плотного молочного тумана, точно так же, как моя, вмиг сорвавшаяся с катушек, жизнь.

- Что там, Исмаэль? – указываю в эту непроглядную белизну, а думаю о другом.

- Нас там ждут! – отвечает на незаданный вопрос, опустив подбородок на мою макушку.

- Кто?

- Пока не знаю…

Глава 5.

Долго пребывать в полном неведении – сущая пытка. От нечего делать, пытаюсь учить азурейский под чутким руководством моего невольника, заодно выуживая всяческую информацию, которой он не очень хочет делиться. Исмаэль и так-то немногословен, а тут, как ни заведу разговор, впадает в тоску. Понятное дело, не забыл, при каких обстоятельствах родину покинуть пришлось. Потому и не спрашивала раньше. Любое воспоминание – боль.

А пока он раскрывает другие секреты,

- Ты знаешь, Северина, что в Ливарне полно азурейцев-нелегалов?

- Как это? Что ещё за нелегалы? Тебе почём знать? – вопросы сыплются сами собой, хотя в постели с обнажённым красавцем как-то нелепо рассуждать на подобные темы, но иногда здравомыслие всё-таки посещает мою забубённую голову.

- Когда я сбежал от тебя, любовь моя… Прости дурака, - целует в ладонь, прижимает к щеке ласково, - то в конце концов добрался до порта. Помотавшись между доков и причалов, наткнулся на одного из наших, вернее, это он меня заприметил, и утащил в тёмную подворотню. Сказал: неприкаянно болтаясь, точно навлеку внимание портовой стражи, и мной заинтересуются.

- С чего ты взял, что он из ваших? И кто ваши?

- Он был азуреец, а ещё… у него не было мизинца!

- Из пленного обоза! – нетрудно догадаться. - Думали, помер, палец отрезали и похоронили в придорожной канаве!

- Ну, примерно это и рассказал. Так вот, Рамаль привёл меня в заброшенный дом, и оказалось, что там таких, как он, достаточно много. Все беглые пленники стекаются в Ливарну в надежде сесть на корабль домой, но…

- Но их снимают с трапа, как и тебя потому, что досмотр пассажиров ведут не матросы, - Шлихтенбейс, помнится, популярно объяснил, как попадаются эти наивные ребята. Сами идут в руки. - Если они такие умные, что сидят в подполье и до сих пор на свободе, почему тебя не отговорили?

- Отговаривали, - вздыхает. - Когда я рассказал свою историю, вообще, советовали возвращаться и вымаливать прощения, чтобы хозяйка обратно приняла.

- Но ты у нас оказался слишком гордым.

- И ещё слишком глупым, - смешок, но горечь не скрыть. - Решил, что имею достаточно респектабельный вид, одежда не истрепалась, пальцы все на месте, и к тому же, собирался расплатиться золотом.

- Вот если бы ты продал эту штуку ювелиру, или хотя бы скупщику, то с деньгами, возможно, был бы шанс выбраться из Риголеи. А так, беспочвенная самонадеянность.

- Я ни разу в жизни ничего не продавал и ничего не покупал, - пожимает плечами. - А просить тех парней из компании не решился, они перебивались воровством и грабежами, так чего им стоило, забрать у меня эту сетку просто так, чтобы обменять на еду.

- Вот, интересно, в Азуре нет базаров? Как ты дожил до сознательного возраста и не научился простым вещам?

- Не пришлось научиться, - смущается. - У меня и так всё было.

- Барчук, - смеюсь, закапываясь пальцами в его чёрные кудри, не в силах совладать с руками, - баловень родительский?

- Наверное… - он даже не понимает, о чём я.

И вот такому счастливчику привалило попасть в плен, а потом к моему папаше-затейнику.

- Что было у отца? – давно хотела спросить, но не решалась. - Мой добрый папуля, правда, изверг? Ты сам сказал, помнишь?

- Помню, - тяжёлый вздох, и отрешённо улёгся на спину. Молчит, надулся, как мышь на крупу, тишина. Только сопит недовольно.

Значит, и правда, вспоминать тошно. Ну и не надо! Заползаю на грудь к любимому, поцелуями сейчас обиды смою, зря спросила.

А он вдруг решился рассказать,

- Первые месяцы ничего не происходило, жил в бараке при конюшне с другими.

- Я помню, там живут все, кто при лошадях состоит, - у батюшки не конница, конечно, но много скакунов и рабочих лошадей.

- Подумывал о побеге. Уж было собрался, но вдруг повели к хозяину. Я его вблизи не видал ни разу. Он заставил раздеться, я снял рубаху, штаны силком стащили охранники. Но бить не стали, просто так осмотрел меня твой папаша и велел отвести в баню. На конюшню больше не вернули и поселили отдельно. Кормить стали лучше. Работать не заставляли. Но заскучать не дали.

- Чем развлекали?

- Баб водить начали… рабынь. Если честно, у меня получше были… только я-то рабом тогда не был. И никто меня не принуждал к соитию. Сам выбирал. И наложницы, и служанки не прочь, но на то была только моя воля, а здесь воля какого-то хозяина! Или пса его Гонзо. Потому, что Огюстен с тех пор не появлялся.

- Гонзо – правая рука отца. Он вольный, но к рабам всегда был строг до жестокости, - чем меня дико раздражал.

- Да мразь он! Я такую породу знаю: перед хозяином хвостом виляют, а с подневольных готовы шкуру содрать. Таким власть в руки нельзя давать, сущие псы и есть! – Горячится, - жаль я его не додушил!

- Ты душил Гонзо?! – вот это новости! - Как хоть после этого выжил-то?

- Видно, приказа убить не поступало, - вздыхает, - но знаешь, лучше бы убили.

- Что? Что там было?

- Да не получилось у них ничего! Не шёл я на близость с теми женщинами. Соловьи в неволе не поют!

- Уже слышала.

- А этот скотина ещё и смотрел всё время. У них там клетка есть в конце сада.

- Знаю. В ней когда-то пантера дарёная жила. Потом померла, а клетка пустовала с тех пор.

- Меня ждала, значит. После того, как взбрыкнул, туда переселили. Бабу приволокут и в клетку ко мне, а Гонзо стульчик поставит, под зад подушку и сидит, любуется тварь! Рабыня липнет, ей же велено, я ни в какую. Одёжу в наказанье отобрали. Стали бить. Зато после плётки в покое оставляли, пока не восстановлюсь, но потом новую приводили. Голодом морить поначалу не решались, иначе вообще не до рабынь, а вот вместо воды вздумали подсовывать отвар травяной, после которого всё мужское наливалось, словно свинцовая болванка, и потребность такая, что хоть на козу вскочишь. Только я им не раб подневольный, сдохну, а по-ихнему не бывать. Терпел без питья, сколько мог. Так этот пёс знаешь, что удумал?

- Что?! – меня уже трясёт, представить не могу, что там можно ещё сотворить.

Глава 6.

- Прихвостни Гонзо привязали меня спиной к решётке за руки, а внизу за ноги так же. И ремнём его стянули, - показывает на свой спокойный сейчас орган.

Гляжу и удивляюсь, как после всего, он ещё вообще чего-то смог желать?

- Сказали: не хочешь по-хорошему, будет по-плохому.

- И что дальше?! – слушать тошно, но придёт время разговора с отцом. Уверена.

Исмаэль молчит, печальный взгляд в потолок, и вопрос. Страшный вопрос,

- Я тогда думал, почему человеку не дано умереть по собственному желанию? Задумать, представить смерть и не стать. Просто уйти из жизни, уйти из тела. Оно слишком уязвимо. Особенно там. Я ненавидел себя за эту уязвимость! Даже думал: выживу, улучу возможность, отрежу всё к чертям и стану евнухом. А потом решил, что лучше не выживу, зачем такая жизнь. Это у них называлось «Ночь удовольствий». Вот так привязанного к прутьям, оставить со стянутым естеством. Утром подпускали рабыню. А сами наблюдали. Гонзо и прислужники его.

- Они рабы.

- Знаю, только от этого не лучше. Старались на славу и гоготали радостно, если их начальник скабрезности отпускал.

- Скоты! – меня трясёт! Сижу возле Исмаэля, взяв его руку в свои, помогая этим или не помогая, но поддерживая, чтобы он всю боль излил из своей души, чтобы освободился.

- Когда она развязывала, слёзы против воли катились из глаз. Кровь, поступая в сосуды после долгого перерыва, вызывала только боль, никакого желания в помине, но после того отвара семя изливалось само, а они смотрели и смеялись.

- Неужели это придумал мой отец?! – ужас какой-то!

- Да ему и дела не было, распорядился чего-то там, а Гонзо изгалялся, как хотел.

- Это всё?

Очень хочется верить, что да, но Исмаэль продолжает рвать мою душу воспоминаниями,

- Потом придумали лучше, если буду упорствовать, приведут мужика, который сам меня будет иметь, пока не сдохну. И привели… Здоровый, сильный, с дикими глазами, и таким огромным…

- Это случилось?! – прерываю, не в силах слушать подробности.

- Нет, но напугали. Вот тогда и сломался, - лицо накрывает ладонями, видимо представляя, что там было дальше.

- А потом?

- А потом две ловкие рабыни и раб-мулат начали показывать, что я должен уметь. Занятия длились с перерывом на еду и сон. Приходилось повторять, пока не получалось хорошо. Если халтурил, плеть у Гонзо всегда была под руками.

- Ну, теперь хотя бы ясно, с чего это плеть у тебя связана с занятиями любовью.

- Не знаю, с чем она связана, - ворчит. - Но однажды мне удалось ухватить её за хвост так, что ситуация повернулась в мою пользу. Гонзо очень красиво болтался в кожаной петле, привязанной к потолочной решётке. Знаешь, как он глаза выпячивал и давился? – злорадная улыбка делает Исмаэля похожим на красивого опасного зверя. - Морда покраснела, и язык навывалку.

- Но ведь он не умер?

- Не сдох, - поправляет любимый. - Я не смог долго удерживать дверь в клетку, одному против троих трудно устоять. Открыли и вытащили урода из петли. Он потом несколько дней не появлялся. Зато, когда вернулся, совсем озверел.

- Почему он вообще к тебе в клетку зашёл? Старик очень хитёр.

- Я прикинулся мёртвым, он захотел проверить самолично. Вот и проверил.

- А потом?

- Потом пара попыток сбежать, кнут, снова клетка, голод, железный ошейник, за который стали привязывать так, что стоять приходилось навытяжку по несколько часов, и желание смерти. Одно единственное, других не осталось.

- Помню… - таким они его и привели. Теперь понятно. Это чудо, что Исмаэль мне поверил после всего. - Прости, любимый! Прости! – ложусь на его грудь, обнимаю, пытаясь обхватить целиком, прижаться так тесно, чтобы боль тяжёлых омерзительных воспоминаний ушла ко мне, я-то теперь навсегда запомню, а у него хоть немного пускай изгладится из памяти.

- Ты при чём? – принимает, касается губами виска, оглаживает лопатки.

Рождается вопрос,

- Почему ты так долго молчал? Если бы раньше, ещё дома рассказал, я была бы другой, я бы…

- Ты бы жалела, а мне и так было тошно.

- Я и сейчас жалею, но и люблю, это неразрывно, это навсегда! – уверена.

А он, похоже, нет,

- Пришло время рассказать, - медлит, подбирает слова, - чтобы, когда я буду вымаливать у тебя прощение, ты меня поняла.

- Тебе не за что! – о чём он? После всего, что с ним случилось в Риголее, я перед Исмаэлем в неоплатном долгу.

Но любимый так не считает,

- Вина найдётся всегда.

Ответ столь туманен, что в тот момент не придаю ему никакого значения, умирая от единственного желания любить моего несчастного хасэля так, чтобы возместить ту страшную боль, что ему пришлось пережить по моей вине.

Теперь с особым трепетом, нежнее нежного ласкаю его там. Чёрное клеймо то и дело попадается на глаза, но и его оглаживаю, целую, люблю. Больше для меня это не рабская метка, а скорее, напоминание о последней пытке, которое он непременно должен забыть.

Тело Исмаэля очень отзывчиво на ласки. Он не сопротивляется, отдаваясь сполна моим рукам, раскрываясь полностью, стремясь навстречу. Видя его напряжённый, вожделеющий орган, отвечающий лёгким вздрагиванием на мои поцелуи, смело разведённые ноги, поджавшееся от желания естество и томительно-сладкие стоны вперемешку со сбивающимся дыханием, удивляюсь, как этот феникс вообще умудрился возродиться из пепла? Как?

- Я люблю тебя, моя Северина! – шепчет хрипло, страстно, отвечая на незаданный вопрос.

Он просто влюбился. После всего страшного, невыносимого, умудрился раскрыться новому чувству.

- И я тебя люблю, Исмаэль! – шепчу на ушко. - Никогда никого не любила до тебя.

- За библиотеку стыдно, - вспоминает тот неприятный инцидент. - С собой боролся. Мстил тебе за чужие обиды. По-ихнему не бывать, хоть сдохну! Так я думал. Вот и опошлил всё, чтобы ты сама оттолкнула, чтобы отворотило мою девочку напрочь от такого недостойного бессовестного раба, и она отпустила его на все четыре стороны с лёгкой душой.

- Моя душа не была легка, - вспоминаю, как ревела, оставшись в одиночестве на дороге, как надеялась, что одумается и вернётся сам. Как потом тосковала.

- Знаю, - обнимает покрепче, прижимая к груди, а сам глядит куда-то поверху, - иначе не спустилась бы за мной в ад. Я ведь тогда не испугался. Мне бы всё равно было, если бы кто-то другой пришёл. Но только не ты. И в тот момент я понял, что сопротивление бесполезно. Пора признать, что это любовь, встать перед ней на колени и не упорствовать в глупом упрямстве.

Думаешь, легко свободолюбивому мужчине отдаться в рабство любимой женщине, в то время, когда привык главенствовать?

- Исмаэль, я никогда не верила, не чувствовала твоей покорности. Может ты и старался изображать раба, но поверь мне, актёр из тебя плохой.

Смеюсь, а сама думаю: сколько же надо иметь сил, как жаждать счастья, чтобы переступить через несгибаемую гордость, дикую ненависть, старательно взращённую в поместье отца, и броситься в эту сомнительную авантюру-любовь, наступив на самого себя прошлого?

- Вот такой я бездарный, - теперь-то смешно ему.

- Мой единственный, - это не утешительная пилюля, не заглаживаемая вина, это правда, – идеальный.

- И ты - единственная! Просто верь, что бы ни случилось! Но до идеала мне далеко…

Глава 7.

Остаток плавания мы проводим с Исмаэлем в любви. Такой отчаянно-сладкой, щемяще-нежной, будто бы, причалив к берегам Экмелея – самого большого Азурейского порта, умрём, или должно произойти что-то непоправимо-страшное, что разрушит наши узы навсегда. И мы уже никогда не будем теми, кто мы есть в этой общей постели, большой кающе, на этом корабле, несущем нас в новую неизведанную жизнь.

Примерно за неделю до прибытия меня начинает мучить морская болезнь, не проявлявшая себя ничем целый месяц ни во время обычной качки, ни даже во время шторма. Мириндин настой только и спасает, но каждый день тошноты подступают к горлу с новой силой, изводя своей непонятной настойчивостью. Скорее всего, из-за нервического волнения в ожидании неизвестности.

Это волнение наполняет душу, всё сильнее покалывая трудно скрываемой тревогой, подобие которой ловлю и в глазах любимого.

Но Исмаэль уверяет, что ошибаюсь,

- Боюсь увидеть свой прекрасный край в нищете и разрухе.

Понимаю…

***

Хотя мы подолгу простаиваем на палубе среди других пассажиров, таинственный Азурейский берег предстаёт неожиданно, кутаясь в белую туманную дымку предрассветного часа.

- Земля! Сегодня причалим!

Радостный крик дежурного матроса заставляет проснуться всех и выбежать из кают закутанными в одеяла и пледы, а потом спросонья подолгу вглядываться в слабые очертания, проступающие вдалеке.

- Мне страшно, - шепчу, утонув в объятьях.

- Не бойся, - Исмаэль, прижав покрепче свёрток одеяла, из которого торчит мой нос, успокаивает, - всё будет хорошо.

- Откуда тебе знать?

- Это мой дом… - а у самого дрожь в руках.

***

С последними закатными лучами, купающимися в водной ряби у самого корабля, трап «Санта Сюзанны» с тяжёлым грохотом касается загадочной земли. Для меня загадочной, для Исмаэля, чьи прекрасные глаза подозрительно блестят весь томительный день, родной.

Капитан Армандо позволяет гостям остаться на борту до утра, чтобы не скитаться в чужой ночи в поисках ночлега.

- Нет! – коротко, как приказ, не терпящий возражений. - Нам есть, куда пойти! – Исмаэлю видней. Это же его родина.

Азурейская ночь насколько тепла, настолько же и темна.

Повозка, нанятая любимым прямо в порту, везёт в неизвестном направлении. Я пытаюсь хоть что-то разглядеть, но в такой бархатной тьме, кроме огромной тарелки луны, висящей прямо надо головами, ничего не видно.

Порт оказался на самой окраине Экмелея, а в город нам не надо, поэтому, кроме небольших белёных домиков, попадающихся всё реже и реже вдоль дороги, я ничего не увидела, да и те, пока мрак не сменился теменью.

Однако, возница – сутулый седой старик за две монеты взялся доставить нас на своей, видавшей виды, крытой повозке до места.

- Куда мы едем? – Исмаэлю я верю, но всё равно, хочу знать.

- К моей семье.

- Это далеко?

- Нет. Масштабы Азура гораздо скромнее Риголейских. Нам надо в предместье Анадомана, - я уже знаю, что это название столицы. - С рассветом будем на месте.

Мерно покачивающаяся повозка, лёгкий скрип колёс и глухой бархат азурейской ночи усыпили меня напрочь. Найдя покой и удобство, устроив голову на груди Исмаэля, я провалилась в сон без видений, звуков и запахов, только спокойный стук его уверенного сердца иногда прорывался в сознание, заверяя, что всё хорошо…

***

- Просыпайся, любовь моя, - тёплые губы на виске, нежный шёпот любимого возвестили о новом дне и больших переменах.

Выглянув из повозки, я увидела, что она остановилась перед богатым особняком, утопающим в зелени запущенного сада. Кое-где видна осыпавшаяся со стен штукатурка, но, всё равно, ясно, что дом принадлежит не простым людям.

- Это твоё? – удивляюсь, ещё не совсем принимая, что мой раб вовсе не бедняк и не простолюдин.

- Считай, да, - улыбается, а в глазах волнение. - Здесь живут близкие люди. - Потом поправляется, - или жили. Не дай Бог!

Пока возница сгружает на землю наш багаж, Исмаэль рассчитывается за работу, и повозка, развернувшись на дороге, уезжает.

С интересом рассматриваю окрестности, незнакомую растительность, но тут…

По садовой алле, кутаясь в длинный узорчатый атласный халат и смешно шлёпая длинноносыми башмаками тёмно-зелёного бархата, без задников, торопится седовласый старец, напоминающий джина из детских сказок, в окружении многочисленной сонной свиты.

- Маркус!

Исмаэль встречает смешного чудака немного стеснительной, но радостной улыбкой, а тот, затормозив в шаге, не может поверить своим глазам! Всплёскивает руками, что-то бормочет и, кажется, плачет по-стариковски.

Как приятно видеть эту встречу, душа поёт от удовольствия! Не зря я всё затеяла. Вот за эти слёзы счастья в глазах любимого, за немой не верящий восторг какого-то старого, но видно очень близкого человека, а может, даже отца, стоило всё пройти!

Но когда, наконец-то, немота спадает с уст хозяина, стихает щебет всех этих смешных тётушек и девиц, что роятся вокруг, он произносит,

- Хасэль? Неужели это ты, мой мальчик?! Выжил? Спасся?!

Старик пытается кинуться на колени, женщины с радостными воплями тоже бьют поклоны, как перед высокопоставленной особой, я начинаю волноваться.

Исмаэль останавливает идолопоклонство взмахом руки и чем-то вроде,

- Да вы, что? С ума сошли?!

Возвращает всех в вертикальное положение, распахивает руки для объятий, старик кидается к нему на грудь, а меня берут сомнения, и от волнения кидает в жар. Стаскиваю с головы платок, за которым прятала непривычную для этих мест рыжину и плюхаюсь на сундук!

Не особо понимаю их язык, так, самые азы успела почерпнуть, и не всё из эмоциональных, сумбурных речей разборчиво моему непривычному уху, но то, что старикан назвал Исмаэля Хасэлем, услышала. И как вся челядь, или кто там они такие, впала в подобострастие после этого, сто раз повторив «Хасэль!» - заметила.

Подождав, пока первая буря восторга схлынет, и смогу воткнуть хотя бы слово в поток бесконечного восторженного диалога, напоминаю о себе,

- Исмаэль?

Все оборачиваются в мою сторону.

- Почему эти люди называют тебя любимым? Почему валятся в ноги? Разве так принято в Азуре?

- Принято, - подтверждает, но больше ничего не успевает ответить, немного растерявшись.

Зато старец, изумлённо глядя на меня в упор, подходит вплотную и даже касается плеча, будто моя материальность под сомнением,

- Ты всё-таки нашёл её, мой мальчик!

- Не знаю, - Исмаэль окончательно сбивает меня с толку.

- Добро пожаловать, дорогая гостья! – приветствует старик на чистейшем риголейском, низко кланяется, и все повторяют за ним, кроме любимого.

- А, Вы кто?

Этикет как-то разом отказывает, и я, позабыв обо всех приличиях, впиваюсь глазами в странного человека. А присмотревшись, определяю в нём риголейца. Хотя лицо его и в морщинах, половину скрывает седая борода, и виски убелены, так что не поймёшь, какой масти был в молодости, но серые глаза, достаточно светлая, несмотря на ядрёное азурейское солнышко, кожа, тонковатые губы, говорят сами за себя: не местный. Он – мой земляк.

Глава 8.

Сразу охватывает подозрительность и сомнения. К тому же, одна из молодых девиц в окружении хозяина пепелит меня с нескрываемой ненавистью во взгляде и всё время жмётся к Исмаэлю.

Если честно, она красотка. Стройная, выше меня ростом, с горделивой осанкой и россыпью длинных волнистых волос, таких же тёмных, как у моего любимого. Черты лица аккуратны, глаза – крупные и на удивление синие, в обрамлении густых чёрных ресниц, будто подведены специально. Бархатная кожа безо всяких веснушек и иных изъянов, смоляные изломистые дуги бровей, волосинки на них одна к одной, как углем нарисованы, нежные ярко-розовые губы, пухлые даже в обиженно-поджатом состоянии, очень выразительны, словом, хороша иноземка.

Лучшее взяла от матери - чистокровной азурейки, что топчется тут же, и от отца - риголейца. Сколько ей? Думаю, подходящий возраст, чтобы оказаться невестой Исмаэля? А, может, и женой! Значит, Исмаэль привёз меня к родителям жены?!

Нет, жена вряд ли. Будь так, висела бы на нём на законных основаниях, а тут просто рядом всё время оказывается. То руки коснётся невзначай, то поймав его мимолётный взгляд, одарит влюблённой улыбкой, то на меня волчицей посмотрит. Но что-то нечисто…

Остальное разнокалиберное окружение разглядывает незваную гостью с дружелюбным любопытством, как неведомую зверюшку, и только.

- Пойдёмте в дом, - приглашает ласково хозяин, проигнорировав вопрос, а сам с меня глаз не сводит.

Я крепко сижу на сундуке и не решаюсь оторваться,

- Спасибо…

Страшновато к чужакам! Тем более, если они принимают меня непонятно за кого. Что-то совсем неуютно стало. Осознание, что у Исмаэля была своя жизнь, доходит только сейчас. И, что ему хорошо здесь без меня, колет неприятной правдой. Чувствовать себя лишней на этом празднике жизни очень тоскливо. Может, зря дорожная карета уехала? Надо было на ней же вернуться обратно в Экмелей. Ещё бы и на «Санта Сюзанну» успела.

- Может, лучше домой? Меня ждут.

Тут Исмаэль решает прерывать обет молчания,

- Любовь моя, не бойся! Это Маркус, - ну точно, риголеец, сразу по имени было понятно, - мой учитель и друг, считай, отец. Это Дория – его супруга. Ничего плохого в этом доме тебе не грозит! – подходит и пытается очень нежно оторвать от сундука.

В этот момент то ли от волнения, то ли уже по привычке, несмотря на отсутствие морской качки, меня выворачивает прямо ему под ноги. Свита из тёток и девиц тут же впадает в новый галдёж на азурейском. «Невеста» глядит с нескрываемым презрением.

- Извините, - утираюсь всё тем же платком, но, когда в гвалте улавливаю слово «ребёнок», паника скручивает мой желудок в бараний рог, и я ещё раз стругаю под ноги Исмаэлю.

Он даже не делает попытки отскочить или увернуться. Стоит, как громом поражённый, глядит с удивлением и восторгом,

- Северина! Ты беременна?!

Только этого не хватало!

- Не может быть! – отметаю идею потому, что нереальна. - Мириндины настойки ещё ни разу не подводили! - но, тем не менее, настигает растерянность.

Исмаэлю всё-таки удаётся оторвать мой зад от сундука, и даже позволяю проводить себя в дом.

Внутри особняк поражает богатством убранства. Столько золота и зеркал, что с непривычки хочется зажмуриться. Кругом шёлковые ковры. Это – роскошь немыслимая! Не из шерсти овец, как принято у нас в Риголее, а чистый шёлк. Хочется разуться, ноги стонут по воле, а пройтись по щекочущей ступни шёлковой травке, вообще, со страшной силой.

Мне дают умыться, а потом усаживают на мягкий пуф, но лишь ненадолго, пока слуги, втаскивают сундуки с добром, оставленные на дороге.

Я опасаюсь потерять из виду Исмаэля, его наперебой пытают Маркус с супругой – полной яркой женщиной, у которой что-то не то с глазами, вроде бы прямо глядит, а такое чувство, что вкривь и вкось. Остальные слушают ответы.

Любимый скачет с одного на другой, торопясь уважить хозяев, смеётся. Они все смеются и плачут на радостях, видимо, очень он им дорог! А особенно синеокой красавице, не сводящей с любимого глаз.

Пока суд да дело, шустрая служанка, приносит всем на подносе крепкий чай в фигурных стаканчиках. Исмаэль принимает, пробует и зажмуривается от удовольствия,

- Дома… - это я разобрала отлично.

А вот я не дома, и чай этот мне слишком крепок и горек. Совсем другой подавала Марица вечерами, когда я любовалась закатом…

Наконец, выяснив между собой, что делать с незваной гостьей, женщины увлекают меня на свою половину, что-то объясняют, перебивая друг друга, но почти ничего не понимаю. Тут появляется, задержавшаяся где-то, Дория. Всё-таки у хозяйки косоглазие. Она, да ещё недовольная синеглазая красотка Ясмин немного говорят на риголейском.

- Кто ты Хасэлю? – с места в карьер спрашивает последняя.

- Я – его… - чуть не вырвалось: госпожа, но вовремя прикусила язык. Вряд ли дамы верно расценят такую новость.

Заминка выходит боком,

- Ты – его женщина? – стервенеет Ясмин.

Меня коробит потому, что из уст молодой красавицы это звучит, как шлюха, а в глазах её прекрасных загорается злобный огонёк. Дория предпочитает замять дело, но Ясмин уже перевела всем, кто я есть такая.

Очень хочется домой!

***

В гостях, а точнее в плену, мне выделили личные апартаменты с шикарной обстановкой и персональную служанку, молодую, такую же шуструю, как Марица, только смуглянку Фатишу, с которой не объяснишься. Но очень услужливую и расторопную.

Желание покинуть этот дом и эту землю крепнет во мне с каждым днём, но не всё так просто…

За месяц здешней жизни я уже мало-мальски начала разговаривать с местными. Не захочешь, да начнёшь, коли кроме вредюги Ясмин, да вечно занятой Дории, остальной цветник на языке оккупантов не разумеет.

Зато хозяин рад потренировать родную речь. Он всё время разглядывает меня, думая, что не замечаю, и улыбается таинственной улыбкой. Несмотря на преклонные года, остёр умом. Отнюдь не склерозен, а ещё знает уйму разных секретов, и удивительно осведомлён о порядках в метрополии. Иногда мне кажется, что он либо сознательно привирает, либо я жила, как слепая.

С Исмаэлем у нас вынужденный бойкот! Живём в чужом доме и пытаемся соблюдать приличия: не жена, так будь добра живи на женской половине, а любовника у себя привечать, ни-ни, и к нему ходу нет.

А ещё, я на него обижена потому, что нет никакого Исмаэля!

Глава 9.

Есть только Хасэль – фиг знает, по какой причине, не вовремя оказавшийся вместе с казнённой царской семьёй. И, чтобы спасти свою шкуру, назвавшийся во время пленения именем телохранителя, погибшего при защите венценосного наследника принца Давуда.

Сначала он пытается что-то там говорить в своё оправдание, купить меня разными телячьими нежностями, его прёт от желания заботиться обо мне потому, что у нас, возможно, будет малыш, но теперь всё это выглядит совершенно в ином свете.

Отнюдь не романтично и ни капельки не красиво. Я очень хочу вернуться в Риголею, в своё любимое поместье, вновь заняться хозяйством, и даже уже не интересуюсь чудесным сортом винограда, по какому-то странному стечению обстоятельств, названным именем коварного лжеца. Только на просьбу отправить меня домой или хотя бы нанять карету до Экмелейского порта, окружили такой заботой, что тошно, и никуда не двинешься.

Попытки Хасэля заслужить моё прощение, терпят одно фиаско за другим и постепенно сходят на нет. Теперь стало не до меня.

Зато Ясмин ликует, увивается возле него, как муха над мёдом, то чаю принесёт, то сладостей предложит. А однажды я своими глазами видела, как она пихает ему в рот засахаренные орешки, он их забирает по одному из её красивой ладони своими мягкими соблазнительными губами, кивает в благодарность, и смеются при этом оба!

Ненавижу!!!

Пытаюсь хоть на что-то отвлечься. Порывы изучить окрестности, познакомиться с местными достопримечательностями пресекаются на корню,

- Нет, Северина! Это опасно!

Почему опасно, не понимаю, но всё чаще замечаю скопления подозрительных мужчин с суровыми лицами в доме Маркуса. Они задерживаются допоздна и расходятся за полночь. Иногда вижу, как небольшие группы покидают особняк и растворяются в темноте садовых аллей.

В некоторые комнаты теперь запрещено заходить, на дверях висят тяжёлые замки, а в последние дни по дому даже днём прохаживается несколько серьёзных молодых людей, крепких и решительных. Одежда у них хоть и не форменная, но в складках широких шаровар спрятаны кинжалы в ножнах, а у тех, что бродят по периметру сада, скрываясь от редких уличных зевак с внутренней стороны ограды, и вовсе за плечами пороховые ружья.

Очень часто, спустившись из личных апартаментов вниз, в мужском многоголосье из залов, куда женщинам хода нет, слышу Исмаэля. Слышу и не узнаю потому, что отрывистость чётких, рубленых приказов, грубая резкость – это не про него. Это про Хасэля. Коварного, расчётливого, хладнокровного и хитрого.

Ты – безмозглая курица, госпожа Северина Краулис! – ругаюсь последними словами. - Позволила обвести себя вокруг пальца! Растаяла, рассиропилась… Ну так, получай! Пропадёшь в этой золотой клетке, никто и не вспомнит!

Если честно, я скучаю по Исмаэлю. Именно по нему. Тому парню, который топил меня в своих чувственных ласках, нежил поцелуями, клялся в верности, сходил с ума от желания, едва завидев в нижнем белье или без оного. С трудом сдерживался, чтобы не взорваться вулканом, стоило мне немного похулиганить над его совершенным телом, отдавался страсти, как сумасшедший, как приговорённый перед последним рассветом.

Только был ли он, тот Исмаэль? Может, то была сказка, красивый мираж, коими полны просторы к югу от Азура, со слов всезнающего Маркуса? Может, я хотела такого мужчину и нарисовала его в мечтах? Выйдя из темницы, Хасэль подыграл, а я приняла за чистую монету?

Ясмин только подтверждает сомнения,

- Зачем ты приехала? Разве мало в вашей стране подходящих мужчин, что смогли бы сделать тебе ребёнка? – режет без ножа жестокими вопросами. - Ты чужая здесь. Правил наших не знаешь, порядков соблюсти не сумеешь, только опозоришь Хасэля своим присутствием. Думаешь, он в жёны тебя возьмёт? Не по Ешилтаю тюбетейка!

- По какому ещё Ешилтаю?

- В элементарном не разбираешься! – поясняет, как несмышлёнышу. - Видишь, тебе не понять даже местных пословиц!

- А, знаешь, Ясмин, я бы уехала, - отвечаю совершенно хладнокровно, по крайней мере, грубиянка не видит той бури, что бушует сейчас в моей душе, - и отдала бы тебе Исмаэля, - называю его так нарочно, чтобы понимала, что у нас с ним тоже есть своё прошлое. - Так ведь не отпускает! И зачем я ему нужна? Может, это любовь, всё-таки? – хотя, по чести говоря, верится в собственные слова всё меньше и меньше.

А жажда справедливости, правды, пусть и тяжёлой, болезненно-честной и нелицеприятной грызёт душу днём и ночью. Нам обязательно нужно поговорить с Хасэлем. Нет, не так, как обычно,

- Ты здорова, любовь моя?

- Всё нормально!

- Как ты спала, мой ангел?

- Плохо! Отстань!

- Чего бы ты хотела на обед, милая?

- Оказаться на корабле, идущем в Ливарну! И забыть тебя, как страшный сон!

- Извини, не получится…

Долго так продолжаться не может!

***

Разговор состоялся. Он вышел непростым, и думала, последним. Реально понимаю, что надо отправляться восвояси. С беременностью уже всё ясно, нет её, только обрадовать пока некого! Миринда снова оказалась на высоте. А ещё ясно, как божий день, что подобру-поздорову никто меня из Азура не выпустит.

- Северина, прости! – Исмаэль или вернее, Хасэль входит в мои комнаты, наплевав на все здешние приличия, запирая за собой дверь.

Я сижу у окна и молчу. Бойкот на то и бойкот, чтобы не разговаривать. По крайней мере, выдержать паузу.

В его руках плеть. Та самая плеть, будь она неладна! Это он что же, меня собрался избить?

- Вот и вся любовь, - мысли вслух, внутри всё сжалось.

Называется, поговорили!

Глава 10.

Ошибаюсь. Молча снимает рубаху, подаёт мне плётку и встаёт на колени,

- Не сдерживайся. Сколько угодно. Остановишься, когда сможешь выслушать спокойно, - в глазах застыли боль и вина.

А мне не больно? Зачем он это подал? Тогда игра была, я не истязала, я любила! А теперь ненавижу!

- Уйди с глаз моих! А лучше отпусти! Выгони!

- Ты обещала, что станешь моей женой…

- Не тебе обещала. Исмаэлю.

- Это я, - взгляд исподлобья.

- Нет! Ты Хасэль – непонятный проходимец, и в чём твоя ценность, чтобы скрываться под личиной телохранителя наследного принца, непонятно! Хитростью и ложью, втёршийся в доверие и притащивший меня за собой во враждебный мир. Держишь насильно, чтобы шантажом выторговать себе какие-нибудь привилегии или богатства! Выкуп большой запросил с папеньки?

- А что ещё можно придумать? Зачем-то я ему понадобилась. Да ещё как, если столько времени изображал безумные чувства.

- Я тебя люблю! – устало, но с такой искренностью, что раньше поверила бы без сомнений, только не теперь.

- Врать ты любишь больше! Только просчитались вы со своим хитромудрым учителем! Дочь бывшего первого советника ценности не представляет! И папаша мой не особо любит расставаться с деньгами! Так что зря ты меня сюда заманил!

- Не заманил, а увёз. Сама поехала. И, к сожалению, не всё зависит от моих личных желаний, - вздыхает.

- Увы! – на что рассчитывали? – Что взять с обычной дуры, которую черти понесли за красивым любовником, даже если она достаточно богата! Может, мне тебе денег заплатить? Давай, я сама себя выкуплю! Согласен?

- Нет, - тяжёлый вздох, и молчание. И совсем другое продолжение, - думаешь мне серебро твоё надо, после того, что уже не единожды заглядывал за черту? Давай, любимая, забудем на сегодня обиды, каждый день может стать последним, – он ждёт. Обнимает взглядом, как всегда, обволакивает чарами, просит, умоляет, - пожалуйста, только этим вечером! Мне так тебя не хватает!

Что-то в его взгляде пугает, что-то в словах изменилось, что-то недобро закололо в моём сердце. Я боюсь! Я очень за него боюсь. Я очень его люблю!

- Останься… - не выдерживаю. - Мне тоже без тебя плохо! – Может, это снова игры хитреца Хасэля, но сегодня вечером и на всю ночь хочу, чтобы со мной был, - Исмаэль!

- Спасибо, любовь моя! – он искренне рад, почти до слёз, по крайней мере, глаза подозрительно блестят. Прячет их, скрывая лицо у меня на коленях, обхватывает в кольцо рук, а сам горячо дышит в подол, отчего по бёдрам растекается живое тепло, - я умираю без тебя, без твоего желанного тела, запаха, голоса, смеха! Я становлюсь живым мертвецом, когда ты отталкиваешь меня! Мне так нужна твоя поддержка сейчас, как никогда!

- Не отталкиваю, - наоборот плутаю пальцами в длинных кудрях, прочерчиваю проборы со лба до затылка, спускаюсь ладонями на плечи. Крепкие широкие плечи, расслабляющиеся под моими руками, льнущие к ним, жаждущие, требующие моей ласки. - Ты – мой дурман… Это против правил… нечестно. Ты обманул, мне ненавидеть тебя впору, а я не могу!

- Ненавидь, если надо, - взглядывает снизу-вверх, - только не гони. И, всё-таки прости.

- Почему ты не назвался сразу, Исмаэль? Можно, я буду так тебя называть хоть иногда?

- Когда захочешь… всегда. Когда ты меня так называешь, я знаю, что любим. Ведь так? – выискивает в моих глазах правду.

А я и не вру,

- Так… И всё-таки! Кто ты?

Получаю очень интригующий ответ,

- Скоро узнаешь…

- Что ж буду ждать, когда-нибудь само всплывёт…

- Я расскажу. Потом. Не сегодня, но скоро. Главное, верь, что я тебя люблю! Очень люблю. Что бы ни говорили, не сомневайся. Ясно?

Ничего не ясно и непонятно, правды не добьёшься.

На прямой вопрос,

- А как же Ясмин?

- Что случилось с Ясмин? – искреннее, не наигранное недоумение ставит меня в тупик.

- Она – твоя невеста? – выпаливаю, не придумав ничего другого. Да и к чему деликатничать? Наступило время честных ответов.

- Невеста? – Исмаэль удивлён, - какая из Ясмин невеста? Мы выросли вместе! Одной грудью вскормлены! Дория - моя молочная мать потому, что у родной не хватало молока! Я, понимаешь ли, был очень прожорлив в младенчестве, - смеётся.

И меня отпускает потихоньку.

- В этом доме прошло моё детство. Лучшее, самое счастливое время. Маркус стал наставником, учил, как мог. Думаешь, откуда я так хорошо знаю риголейский?

- Ты рос сиротой?

Почему бы и нет? Я же наполовину сирота. И меня тоже выкармливала рабыня.

- Не совсем сиротой. - Добавляет, - мать после родов не стала прежней, так в себя и не пришла, заболела какой-то душевной болезнью, её отвезли в деревню, и с тех пор ничего неизвестно. Другим жёнам отца я был не особо нужен и поэтому находился возле кормилицы. Сначала так всем было удобней, а потом оказалось, что не оторвать. Но, конечно, со временем всё больше жил в родном доме, просто здесь бывал часто.

В общем, нормальной семьи тоже не было. Какие-то другие жены у отца…

Права Ясмин, ничего я не смыслю в здешних порядках и, наверное, не пойму никогда. Но, как оторваться от этого мужчины?

В этом доме и в этом мире, как в ловушке с завязанными глазами, надо бы бежать, только тонко, очень качественно сплетённая паутина любви, держит меня, как глупую муху в своих нежных объятьях. А чуть шевельнёшься, оплетает новыми чарами. Умом понимаю, но душа и тело прочно застряли в силках и не спешат на свободу.

Какая свобода, если внутренний огонь уже полыхнул, прокатился по венам, поджёг кровь, и она помчалась, как бурная река, наполняя желанием всю мою женскую сущность, заслоняя все разумные мысли, оставляя единственную цель: почувствовать Исмаэля в себе, соединиться и унестись туда, куда кроме него ни один мужчина не знает для меня дороги.

И плевать на всё остальное, и даже не важно, что подумают о нас чопорные домочадцы.

Глава 11.

В постели Исмаэль нежен, как никогда, чуток, словно рождён считывать мои невысказанные желания, исполнять их, сводя с ума тягучей негой, пробуждающей страсть по капле, томительно, но неумолимо.

Эта ночь особенная! Я так истосковалась по любимому, теперь уже не то, что не рабу, но и не простолюдину. Не надо ходить к гадалке, чтобы догадаться: мой невольник не крестьянского роду-племени. Я это и так знала, но кто он - молчит, раньше не пытала, опасаясь напоминать, как низко пал, а теперь не выпытать.

Что-то произошло за этот месяц, который мы не были близки. Вроде, мы те же, а вроде и нет.

Это больше не мой Исмаэль. Нет, не покорный раб, таковым он никогда и не был, как бы ни уверял, но теперь я сама воспринимаю его по-иному. Больше нет нужды подавлять натуру, этот человек не рождён покоряться. Но любимый и не довлеет, наоборот, трепетно и бережно ласкает моё тело, зацеловывает до невероятной чувствительности грудь, с особенной нежностью и заботой живот, который ничуть не изменился, а сам всё время что-то ласково бормочет. Я таю в его руках и никак не пойму, но всё-таки сосредоточиваюсь и разбираю,

- Мальчик мой, прости!

С чего он взял, что будет мальчик? Вообще, там никого нет, я уже убедилась, что Миринда – гений. А он так серьёзно разговаривает с моим животом, что невольно приходит на ум, не помешался ли?

- Я уже очень тебя люблю, сынок! - Потом и того хуже, - сохрани, Господи, мою жену! Убереги, Господи, любимых моих!

Что это значит?!

- Хасэль! Почему ты молишься? Чего боишься? – я, только что таявшая в любимых руках, словно сливочный шербет на языке, прихожу в себя тут же!

- Мой единственный страх в этой жизни – потерять тебя… и его! – признаётся, как на духу, и кладёт ладонь на живот.

Чёрт! Как же давно мы не разговаривали наедине, я даже не успела ему сказать, что моя рвота - всего лишь ложная тревога. А он взволнован, нервничает. Что-то не даёт ему покоя, не отпускает, мешая раствориться в ночи любви. И если я сейчас огорошу его, непременно расстроиться. А, если не возьму дело в свои руки, непонятно, чем это закончится.

- Всё будет хорошо, - успокаиваю. - Позволь мне приласкать тебя, снять волнения с души?

Утро вечера мудренее, вот когда оно наступит, тогда и придёт время немного огорчить потому, что новый день смоет расстройство какими-нибудь событиями.

И он, отпускает себя, превращаясь в привычного возлюбленного Исмаэля, которого я знаю слишком хорошо, чтобы упустить хоть одну возможность, хоть самую незаметную точку на его соблазнительном, невероятно чувственном теле, не уделив ей внимания.

Так что вскорости, не в силах противостоять страсти, выдаёт обязательное долгожданное,

- Госпожа! Мочи нет, как я горю! Отдайтесь уже! Нет сил, вытерпеть ни минуты!

За месяц новой жизни любимый так и не отвык называть меня госпожой в постели, даря иллюзию воспоминаний счастья.

- Я жду, любимый! – разве хоть раз наказывала его отказом? Только в самом начале, так ведь кому из нас тяжелее давалось это наказание, очень большой вопрос…

Засыпаем, едва расставшись в том самом месте, где чувствуем друг друга сильнее всего, где становимся единым целым, самодостаточным в своей неразрывности. Чтобы, едва забрезжит рассвет, Исмаэль взял меня сонную и ничего не понимающую, снова. Растревожил, разбередил, поднял выше неба, не дав толком пробудиться, и сам поднялся на свою высоту одно-

временно. Потом счастливый, удовлетворённый покрыл поцелуями грудь и лицо, прошептал напоследок,

- Спи, любовь моя… Мне пора.

Я даже, кажется, что-то пробормотала в ответ, а потом снова провалилась в предутренний сон. Чтобы, пробудившись окончательно несколькими часами позже, узнать, что дом опустел. Только трое охранников на своих постах.

На мой вопрос,

- Где Хасэль?

Взволнованный Маркус ответил невпопад таинственным,

- Сегодня или никогда! – и пояснить отказался, скрывшись на своей половине.

Молодые женщины лишь пожимают плечами и периодически кидаются молиться. Только супруга хозяина отвечает,

- Уповай на Господа, Северина! Если он даст, всё будет к лучшему!..

Ближе к ночи тайна исчезновения Хасэля и всей вооружённой братии, что ошивалась тут постоянно в течение месяца и внезапно пропала, открывается, ввергнув меня в запоздалую панику на смену беспокойству, которому я предавалась вместе с домочадцами весь день.

Прискакал взъерошенный, но счастливый гонец на взмыленном коне, бросив его у парадного, промчался без доклада в апартаменты Маркуса. А уж оттуда появился со счастливыми слезами на глазах сам хозяин, в сопровождении всё того же улыбающегося парня,

- Царский дворец в Анадомане освобождён от оккупационного правительства. Наместник, назначенный королём Риголеи, взят под стражу вместе со свитой. На трон Азура провозглашён законный преемник принц Хасэль! Караульный корпус с дворцовым гарнизоном перешли на сторону нового правителя в полном составе!

- Законный преемник? – повторяю эхом.

В ответ мне приходит подтверждение,

- Абсолютно законный! Второй сын царя Фариза. Давуд был старшим и первым претендентом на престол Азура, Хасэль – второй…

Господи! Где правда у этих людей? Под сколькими слоями лжи она захоронена? Молчали, как воды в рот набравши, подтверждая словом и делом, что никакого принца нет и в помине! А, где у них ум? Это государственный переворот в колонии! И без ответа король Андриас его точно не оставит!

То, что Хасэль умудрился выжить в первой переделке, не отменяет возможности, оказаться на плахе по итогам второй! Теперь ему остаётся бежать из Азура! Только куда?

Глава 12.

***

Я не видела своего новоявленного принца три дня. Он не появляется, только иногда приходят вести из дворца, да суровые парни с кинжалами заваливают мои комнаты корзинами цветов и фруктов, от которых уже воротит.

На вопрос,

- Это, что?

Ответ всегда один,

- Светлейший шлёт Вам привет, но так занят, что пока не может прибыть сам, о, благословенная госпожа!

Зато Ясмин свободна и капает мне на мозги расплавленным воском своих ядовитых речей,

- Ты же понимаешь, что Хасэль не возьмёт тебя в жёны?

- Уже называет женой, - вспоминаю, как он молил Господа о моём благополучии.

- Слова! – отмахивается. - Ты придаёшь им слишком большое значение! – попадает в главную точку моей уязвимости! Уже так много было слов, а правда до сих пор просачивается по каплям. Ясмин нагнетает, - в лучшем случае наложницей станешь, а твой первенец никогда не будет наследником!

Что за бред она несёт?

- Какой первенец?! Каким наследником?! - меня колотит от того, что случилось! - Как только весть о том, что в Азуре переворот и смена власти, дойдёт до Риголеи, тотчас войска поднимут по тревоге! Военная флотилия выдвинется к здешним берегам! Думаешь, пощадят хоть кого-нибудь? Спокойной жизни осталось не больше двух-трёх месяцев, а ты о наследнике!

- Мой отец был когда-то приближённым лицом короля Андриаса и уж ежели задумал такое глобальное дело, то поверь, расчёт его точен!

Так и знала, без старого прохиндея не обошлось. Хасэль – лишь послушная марионетка в его руках! Слишком верит, а я нет!

- Был бы точен, так и оставался бы при короле, как мой, а не очутился за тридевять земель в тридесятом царстве!

- Это не его вина, - горячится Ясмин. - Так получилось!

А я думаю, какая разница, чья вина, чей расчёт? Надо уносить ноги отсюда, пока армия не прибыла. Отправят на эшафот всех приближённых вместе с Хасэлем. Только какой интерес Ясмин? Я хоть за дело, а ей-то зачем такая сомнительная честь?

- Ну, допустим, уеду. В чём твой профит, коли Хасэль считает почти сестрой? Вижу, сохнешь по нему, но ведь недосягаем!

Она краснеет, опускает взгляд, так же прячась под ресницами, как мой любимый мужчина, и признаётся,

- Ты права, чужеземка, я люблю Хасэля не сестринской любовью. С детства этим болею. Ему же трон не грозил: сын младшей жены, да и не первенец, так почему бы не быть нам вместе? Пока скитался у вас там, оплакивала его душу денно и нощно, и в то же время, ждала, молилась, чтобы выжил. А ты в постели кувыркалась с моим любимым, как кошка! – Тут же впадает в гнев, - не важно, что женой не стану! Но и тебе не быть! Не достойна! Да и не в этом дело! Сама подумай, ты же риголейка! Какой народ потерпит, если государь возьмёт в жёны женщину из враждебной страны, уничтожившей чуть ли не половину населения и законного правителя?

- Да сколько угодно! – храбрюсь, разумеется, будто и нипочём. А сама о том же думаю…

И когда время идёт к неделе, а любимый так и отделывается букетами, да разными безделушками через посыльных, а Ясмин потирает ручки,

- Так обычно с наложницами поступают…

Во мне созревает устойчивое желание исчезнуть.

Я всё ещё тешу себя воспоминаниями о нашей последней ночи, когда Хасэль так трепетно разговаривал с моим животом, умолял никого не слушать и верить. Оправдываю молчание большой занятостью на новом поприще. Вообще, теперь вся история наших отношений, его непокорное, вопреки здравому смыслу, поведение, видится абсолютно по-другому.

Но правде надо наконец-то взглянуть в глаза: я ему не нужна. Никакие принцы заморские не берут в жёны вдовых графинь. И мнимый ребёнок тоже не нужен. Да и родись он, не пожелала бы собственному дитя подобной участи. Гораздо спокойней расти в богатом поместье, а потом унаследовать его естественным образом, чем рисковать головой за какой-то, ещё непонятно удобный ли, трон под задницей!

В общем, цель день ото дня вызревает, крепнет и становится идеей фикс!

Но как самой в чужой стране провернуть это дело, не представляю. Приходится подключить свою врагиню,

- С побегом поможешь?

В этом деле мы заодно.

Мысль озаряет сразу. Во-первых, сделать сие, как можно скорей, пока в суматохе и эйфории победы не хватились. Во-вторых, нелегально.

И тут, как нельзя кстати, нарисовывается Фатиша. Служанка примерно одной комплекции со мной и того же роста…

***

Выбрав лучшее время, когда смеркается, и домочадцы готовятся ко сну, около особняка останавливается неприметная простая крытая повозка. Это мне Ясмин с транспортом подмогнула.

Переодевшись в простую одежду служанки, а та в мою, сложив в узел немного вещей и, главное, всё серебро, что у меня осталось, уже собираюсь покинуть усадьбу.

Фатиша рыдает белугой. Ясно, что не по мне убивается, просто опасается, что как только откроется подлог, мало ей не покажется. Но хитроумная Ясмин утешает тем, что бедняжке всего-то и надо мелькнуть перед сном в господском платье где-нибудь в глубине коридоров, но, чтобы кто-то заприметил, лучше, если мать или отец, а наутро можно прикинуться ветошью, вернее, вернуться в свой образ: «Ничего не знаю и ведать не ведаю…»

Если повезёт, то хватятся меня завтра к полудню за обедом, так как завтракают здесь кто, когда проснётся. Памятуя о том, что в прошлый раз от Экмелея мы с Хасэлем добрались за ночь, я должна всё успеть.

Только куда? А если в данное время никакого корабля не готовится к отправке в Ливарну? Или придётся ждать неделю-две?

Но это уже частности. Сначала надо покинуть незамеченной Анадоман, а с деньгами не пропаду. Бог даст, вообще «Санта Сюзанна» уже вернулась за новой партией товара. С капитаном Армандо как-нибудь договорюсь, чтобы не выдал свою тайную пассажирку.

Наскоро простившись с Фатишей и Ясмин, по которой точно скучать не стану, забираюсь в темноту повозки и, бросив прощальный взгляд на особняк, отправляюсь в новое приключение.

Нервничаю, как на иголках, сразу по всем фронтам: еду в неизвестность, Хасэль узнает и может рвануть в погоню. Как одинокой чужестранке устроиться в Экмелее до прихода корабля, чтобы не привлечь лишнего внимания и любопытства?

Постепенно волнения притупляются, дорога идёт ни шатко, ни валко, немного скрипит колесо, над Азуром сгущается ночь, возница держит курс на порт, и меня начинает клонить в сон…

Пробуждаюсь от резкого толчка. Что такое? Не успеваю высунуться, чтобы узнать, почему остановились, дверцы повозки отворяются с обеих сторон, и в неё запрыгивают двое мужчин, тесня меня по бокам!

- Вы… - хотела спросить: кто?

Но рот живенько заткнула огромная шершавая ладонь, и возле самого уха прозвучало зловеще,

- Только пикни и будешь искать свою рыжую голову в канаве!

Кажется, меня похитили!..

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.